

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Что такое социальная психология?

Глава 1. Что такое социальная психология?
Конформность

Известный американский социальный психолог Эллиот Аронсон предваряет изложение содержания своей неоднократно переиздававшейся книги цитатой Аристотеля: «Человек по своей природе является социальным животным; личность, которая по своей природе и не случайно, а не вследствие нашего замечания, более чем просто человек. Общество – это нечто такое в природе, что предшествует личности. Любой, кто-либо не может вести обычную жизнь, либо настолько самодостаточен, чтобы не нуждаться в чем-то и, следовательно, не участвует в обществе, является либо зверем, либо богом».

Аристотель, Политика, с. 328 г. до н. э.

Подчеркивая, вслед за древнегреческим мыслителем примат общества над личностью, Э. Аронсон акцентирует социальное начало в становлении и развитии личности и тем самым обосновывает значимость социальной психологии, как особой версии психологического знания, связывающего воедино и многоаспектно два феномена, собственно, «человека» и «общество». Поэтому первая глава книги и носит такое название – «Что такое социальная психология?».

Э. Аронсон отмечает, что Аристотель был первым серьезным мыслителем, который сформулировал некоторые из основных принципов социального влияния и убеждения. Однако, хотя он и сказал, что человек является социальным животным, при этом маловероятно, что он был первым человеком, кто это подметил. Более того, скорее всего, он не был первым, кто восхищался правдивостью этого утверждения, одновременно озадачивающего образованного человека тщеславием и невежественностью.

Люди в самом деле общественные животные, однако таковыми являются и многие другие создания – от муравьев и пчел до мартышек и крупных обезьян. Что же имеется в виду, когда говорят, что люди – это общественные животные? Э. Аронсон предлагает для этого рассмотреть некоторые конкретные примеры из повседневной жизни, демонстрирующие поведение человека или группы людей.

Так, студент колледжа, по имени Сэм, и четверо его знакомых смотрят выступление кандидата в президенты на телевидении. Сэм приятно впечатлен; он нравится ему больше, чем кандидат-оппонент, как более искренний. После выступления одна из других студенток заявляет, что она отвергла этого кандидата, так как считает его полной фальшивкой и предпочитает противоположного кандидата. Все остальные быстро соглашаются с ней. Сэм выглядит озадаченным и немного огорченным. Наконец, он бормочет своим знакомым: «Наверное, он не выглядел настолько искренним, насколько я надеялся».

Учительница спрашивает учеников второго класса: «Сколько будет $6+9+4+11$?». Мальчик, сидящий за третьей партой, несколько секунд соображает в уме, колеблется, затем нерешительно поднимает руку и, когда его вызывают, отвечает с оттенком неуверенности: «30?». Учительница кивает, улыбается и со словами: «Отлично, Тед!», – торжественно вручает ему золотую звезду. Затем она задает классу новую задачу: «Сколько будет $7+4+8+3+10$?». Тут уже Тед не раздумывает, а мгновенно вскакивает с места и выкрикивает ответ: «32!».

Четырехлетней девочке подарили на день рождения игрушечный барабан. После нескольких минут игры на нем, она отставляет новую игрушку в сторону и в течение последующих недель словно не замечает ее. В один прекрасный день к девочке в гости приходит приятель и, случайно наткнувшись на барабан, собирается поиграть на нем. И тут юная владелица барабана вырывает его из рук мальчика и сама начинает стучать по нему, да так, словно это ее любимейшая игрушка.

Десятилетняя девочка ежедневно уплетает по две больших упаковки «Уитиз» только потому, что этот сорт хлопьев рекламировала олимпийская чемпионка по гимнастике, подчеркивая при этом, что именно ему она обязана своими спортивными успехами.

Владелец магазина, проживший всю свою жизнь в штате Монтана и никогда не встречавший живого чернокожего, тем не менее «точно знает», что все они неповоротливы, ленивы и помешаны на сексе.

Ученик выпускного класса школы Чарли недавно переехал в новый город. Среди своих бывших приятелей он пользовался некоторой популярностью, но не больше того. А новые одноклассники хотя и ведут себя с ним вежливо, однако особого расположения не проявляют. Чарли чувствует себя одиноким, незащищенным и непривлекательным. В один прекрасный день, во время ланча, он оказывается за одним столом с двумя одноклассницами. Одна из них излучает тепло, она красива, жива и умна. Чарли она явно нравится, он грезил об этой девушке все последнее время и ждал только случая, чтобы заговорить. Другая – не так привлекательна. И тем не менее Чарли не обращает внимания на героиню своих снов и начинает горячо обсуждать что-то с ее неприметной подругой.

В качестве примеров Э. Арансон приводит и политические события. Так, во время войны во Вьетнаме несколько сотен студентов университета штата Кент выходили на демонстрации против этой войны – это было обычное явление в университетских городках в то беспокойное время в истории США. По какой-то необъяснимой причине Национальная гвардия Огайо, назначенная для поддержания мира в этом кампусе, открыла огонь, убив четырех студентов. После трагедии местная учительница средней школы утверждала, что убитые студенты заслуживают смерти. Она сделала такое заявление, несмотря на то, что ей было хорошо известно, что по крайней мере две жертвы не участвовали в демонстрации, а мирно шли по территории кампуса во время стрельбы. Действительно, она продолжала говорить: «Любой, кто появляется на улицах города, такого как Кент, с длинными волосами, грязной одеждой или босиком, заслуживает того, чтобы его расстреляли».

В другом примере, Э. Арансон сообщает: мой друг детства Джордж Вудс – афроамериканец. Когда мы с ним росли вместе в Массачусетсе в 1940-х годах, он считал себя «цветным мальчиком» и чувствовал себя хуже своих белых друзей. Тому было много причин.

Но все меняется. Например, хотя дискриминация и несправедливость по-прежнему характерны для нашего общества, внуки Джорджа Вудса, растущие в двадцать первом веке, уже не сталкиваются с теми же самыми предрассудками, что и сам Джордж. Средства массовой информации перестали изображать чернокожих исключительно в роли слуг; за эти годы и в их среде появилось чувство гордости за свою расу, вырос интерес к истории и культуре афроамериканцев. Общество влияет на внуков Джорджа совсем по-иному, нежели влияло на него самого. Хотя все меняется, Э. Арансон подчеркивает, что мы не должны успокаиваться, убеждая себя в том, что все изменения движутся в линейном, гуманистическом направлении.

Далее, Э. Арансон дает свое определение социальной психологии. Ключевым словосочетанием во всех предыдущих примерах является то, что они все описывают общественное влияние. Именно общественное влияние и является рабочим определением социальной психологии по Э. Арансону: влияние, которое люди оказывают на убеждения или поведение других людей.

Как люди подвергаются влиянию? Почему они поддаются ему? Что им до него? Каковы те переменные, которые увеличивают или уменьшают эффективность социального влияния? Обладает ли такое влияние свойством постоянства, или оно проходит со временем? А какие переменные способствуют увеличению или уменьшению времени действия социального влияния? Могут ли те же самые принципы быть в равной степени приложимы и к отношению учительницы из Кента, и к выбору игрушек маленькими детьми? Каким образом один человек начинает испытывать симпатию к другому? Одинаковые ли процессы лежат в основе наших предпочтений – неважно, это новая спортивная машина или особый сорт хлопьев? Как у человека рождаются предрассудки против этнических или расовых групп? Похоже ли это на появление симпатии, или же за этим стоят совершенно иные психологические процессы? Многих людей всерьез занимают подобные вопросы, в этом смысле можно говорить о том, что большинство из нас – социальные психологи-любители.

Благодаря тому, что мы проводим значительную часть жизни во взаимодействии с другими людьми – мы подвергаемся влиянию с их стороны и в свою очередь влияем на них, испытываем радость, удивление или злость, вызванную ими, большинство из нас, что совершенно естественно, вырабатывает некие предположения относительно социального поведения. Хотя многие подобные социальные психологи-любители и проверяют для собственного удовлетворения свои гипотезы, эти «проверки» лишены строгости и беспристрастности

тщательного научного исследования. Тем не менее часто результаты подобного исследования идентичны тем суждениям, которые большинство людей и без того считают истинными. Это неудивительно: обыденная мудрость обычно основана на наблюдениях, выдержавших испытание временем.

В своих попытках понять социальное поведение людей профессиональные социальные психологи имеют большое преимущество перед «любителями». Хотя, подобно «любителям», ученые-профессионалы обычно начинают с внимательного наблюдения того или иного явления, постепенно они продвигаются дальше. Им нет необходимости выжидать, пока произойдут какие-то события, чтобы понаблюдать за реакцией на них других людей; профессиональные исследователи сами вызывают развитие этих событий. Иными словами, они проводят эксперимент, в рамках которого множество людей оказываются в различных условиях, подвергаясь тем или иным воздействиям – это могут быть, к примеру, угрозы сурового или, наоборот, мягкого наказания, это могут быть приятные вещи, сказанные за спиной, или же комбинация приятных и неприятных. Более того, исследователи могут поддерживать неизменными все условия, меняя лишь те, которые изучаются.

Когда вы будете изучать материалы лекций и знакомиться с описаниями экспериментов, вас не раз посетит неожиданная мысль: «Но это же очевидно! Зачем было тратить столько времени и денег на доказательство очевидного?» Так вот, существует множество причин, по которым мы проводим эксперименты, даже когда кажется, что результаты мало кого способны удивить.

Прежде всего, мы все подвержены так называемому эффекту «заднего ума», связанному с нашей склонностью преувеличивать собственные возможности предвидения после того, как результат конкретного события уже известен. Например, исследование показало, что на следующий день после выборов, когда людей спрашивали, какие кандидаты казались им более вероятными победителями, респонденты почти всегда были убеждены, что это были именно те, которые реально победили. Хотя за день до выборов их прогнозы не были столь безошибочными. Точно так же результаты эксперимента почти всегда кажутся более предсказуемыми, если они уже имеются у нас на руках; результаты представляются менее предсказуемыми, если нас попросят сделать прогноз, не имея всех преимуществ «заднего ума».

Добавим к этому, что есть еще одна причина, по которой очень важно проводить исследование, даже если его результаты представляются очевидными: многое из того, о чем мы «знаем» как об истинном, в результате тщательно проведенных исследований оказывается, напротив, ложным.

Вот один пример. Вполне разумно предположить, что люди, испуганные перспективой жестокого наказания за определенные действия, могут в конце концов научиться их избегать. Однако оказывается, что результаты научного исследования данного явления приводят к прямо противоположному выводу: люди, которым угрожает нестрогое наказание, действительно, вырабатывают в себе неприятие «запрещенного» поведения, а люди, которым грозит суровое наказание, если что и испытывают, так это тягу к тому, за что их наказали.

Опыт подсказывает, что стоит нам только услышать, как кто-то за спиной говорит о нас что-то хорошее, мы тут же начинаем проникаться к говорящему симпатией, при прочих равных условиях, конечно. Это похоже на правду, не так ли? Но говорящий может понравиться нам еще больше, если некоторые его высказывания будут нам не совсем приятны. К этим феноменам мы еще вернемся в следующих лекциях.

Благодаря всему этому профессиональные социальные психологи имеют возможность прийти к выводам, которые основаны на гораздо более точных и обширных данных, недоступных в такой же мере «любителям», ведь выводы последних зависят от наблюдений за событиями, происходящими случайно или в результате сложного сплетения различных обстоятельств.

Почти все данные, представленные в лекциях и изложенные в представляемой книге Э. Аронсона, основаны на экспериментальных доказательствах. По этой причине важно, чтобы вы поняли, в чем состоит сущность эксперимента в социальной психологии, и одновременно осознали, какие выгоды, убытки, этические проблемы, а также восторги, головные и сердечные боли с этим связаны.

Люди, творящие безумства, вовсе не обязательно безумны

Социальные психологи изучают ситуации, воздействующие на поведение людей. В ряде случаев эти естественные ситуации начинают «давить» на людей, да так основательно, что их поведение легко классифицировать как патологическое. Когда мы говорим «люди», мы имеем в виду значительное их большинство. С точки зрения Аронсона, наше понимание человеческого поведения совершенно не улучшится от того, что эти люди будут причислены к тем, кто страдает теми или иными психозами. Гораздо более полезным было бы попытаться понять суть ситуаций, а также природу процессов, из-за которых возникает подобная форма поведения. Это приводит нас к Первому закону Аронсона: «Люди, творящие безумства, вовсе не обязательно безумны».

Возьмем, к примеру, учительницу из Огайо, которая утверждала, что четверо студентов Кентского университета заслуживали смерти. Не думаю, что она была одинока в своем убеждении, и, хотя все, кто разделял его, могли страдать психозами, я серьезно сомневаюсь в этом, как и в том, что подобная классификация существенно улучшит наше понимание данного феномена. Последствием кентской бойни было широкое распространение слухов о том, что убитые девушки были ко всему прочему еще и беременны и, таким образом, их смерть как бы была для них спасением. Кроме того, говорилось о том, что все четверо студентов были грязны и настолько завшивели, что работники похоронной службы испытали приступ тошноты, когда тела убитых поступили к ним. Разумеется, подобные сведения были абсолютно лживыми, однако, если верить исследователю Джеймсу Миченеру, они распространялись со скоростью лесного пожара. Были ли безумны все те люди, которые верили в эти слухи и передавали их другим?

Далее мы внимательно изучим процесс, вызывающий такой тип поведения, процесс, которому подвержено большинство из нас при наличии определенных социально-психологических условий.

Эллен Бершейд заметила, что люди стремятся объяснить неприятное поведение с помощью навешивания на провинившегося ярлычков «псих», «садист» и тому подобных, отделяя таким способом данного человека от нас – «хороших» людей. Следуя этой логике, мы можем игнорировать дурное поведение других, поскольку нас – «умных-благоразумных» – оно не касается. Согласно Бершейд, опасность подобного хода мыслей состоит в том, что мы становимся слишком уверенными в собственной невосприимчивости к ситуационным давлениям, вызывающим дурное поведение. А это в свою очередь приводит к достаточно упрощенному решению социальных проблем.

Если конкретизировать сказанное, то таким упрощенным решением проблемы может стать построение набора диагностических тестов, с помощью которых будут определять: кто – лжец, кто – садист, кто – коррупционер, кто – маньяк. Последующие социальные мероприятия будут, очевидно, состоять в идентификации этих людей и передаче их в компетенцию соответствующего социального института.

Конечно, это вовсе не означает, что на свете не существует психозов, а людей, которые им подвержены, не следует содержать в соответствующих заведениях. Мы также не утверждаем, что все люди похожи и реагируют одинаково «безумно» на одно и то же интенсивное социальное давление. Повторюсь: все, что мы хотим сказать, – это то, что некоторые ситуативные переменные могут вынудить многих из нас – «нормальных» взрослых людей – вести себя самым неприятным образом. Поэтому крайне важны все наши попытки понять эти переменные, а также процессы, вызывающие малопривлекательное поведение.

Сказанное может быть пояснено на следующем примере. Представьте себе тюрьму. И тюремных охранников. На кого они похожи? Скорее всего, большинство вообразит себе тюремных охранников как жестких, огрубевших, бесчувственных людей, а кое-кто к этой характеристике добавит еще и жестокость, склонность к тирании и садизму. Люди, принявшие этот тип диспозиционного взгляда на мир, могут предполагать, что те, кто становится охранниками, делают это потому, что хотят реализовать свою склонность к жестокости в условиях относительной безнаказанности. А теперь нарисуем портрет заключенных. На кого

Книга: **Общественное животное. Введение в социальную психологию**

Глава: **1. Что такое социальная психология? Конформность**

Лекция: **1. Что такое социальная психология?**

похожи они? На бунтарей или на послушных овец? Независимо от того, какие конкретные образы рождаются в наших головах, важно, что они там уже существуют, и большинство людей убеждены, что заключенные и охранники довольно сильно отличаются от нас своим характером и личностными свойствами.

Может быть, это и так, однако не стоит быть слишком уверенными в этом. Филип Зимбардо и его студенты провели эксперимент, взбудораживший всех. В подвале факультета психологии Стэнфордского университета они соорудили «тюрьму», в которую заключили группу нормальных, психологически уравновешенных и интеллектуально развитых молодых людей. Простым бросанием монетки Зимбардо разделил их на «заключенных» и «охранников», роли которых они должны играть в течение нескольких дней. Что же случилось далее? Предоставим слово самому Зимбардо: «По прошествии всего лишь шести дней мы вынуждены были закрыть «тюрьму», ибо то, что мы увидели, оказалось весьма пугающим. И для нас самих, и для большинства испытуемых перестало быть очевидным, где кончаются они сами и где начинается исполнение ими ролей. Большинство молодых людей на самом деле превратились в «заключенных» или в «охранников», и обе группы уже были не в состоянии ясно отличать ролевую игру от собственного «Я». Драматические изменения наблюдались почти во всех аспектах их поведения, образе мыслей и чувствах. Менее чем за неделю опыт заключения зачеркнул на время все то, чему они научились за целую жизнь.

Человеческие ценности оказались «замороженными», Я-концепции каждого из них был брошен вызов, а на поверхность вышла самая гадкая, самая низменная, патологическая сторона человеческой природы.

Нас обуревал ужас, когда мы видели, что некоторые парни «охранники» относились к другим парням «заключенным», как к бессловесным животным, получая удовольствие от проявления жестокости; в то время как другие парни «заключенные» становились подобострастными, дегуманизированными роботами, которых занимали лишь мысль о побеге, проблема личного выживания да растущая ненависть к «охранникам».